

Окончательный развод России с Европой

Станислав Крапивник — бывший офицер армии США, руководитель в сфере цепочек поставок и военно-политический эксперт, ныне проживающий в России. Он родился в Луганске во времена Советского Союза, в детстве эмигрировал в США и служил в армии США. Крапивник рассказывает о том, как война на Украине навсегда изменила Россию. Подписывайтесь на профессора Гленна Дисена: Substack: <https://glenndiesen.substack.com/> X/Twitter: https://x.com/Glenn_Diesen Patreon: <https://www.patreon.com/glenndiesen> Поддержите исследования профессора Гленна Дисена: PayPal: <https://www.paypal.com/paypalme/glenndiesen> Buy me a Coffee: buymeacoffee.com/gdieseng Go Fund Me: <https://gofund.me/09ea012f> Книги профессора Гленна Дисена: <https://www.amazon.com/stores/author/B09FPQ4MDL>

#Glenn

Добро пожаловать обратно в программу. Сегодня с нами Станислав Крапивник, бывший офицер армии США, родившийся в Донбассе, в Луганске, который недавно вернулся и сейчас живёт в России. Большое спасибо, что снова пришли в программу.

#Stanislav Krapivnik

Спасибо.

#Glenn

Ну, «недавно» — это примерно 15 лет назад. «Недавно» — понятие относительное. Да, 15 лет — значит, не так уж и недавно. Но вы ведь находитесь довольно близко к передовой, внимательно следите за происходящим, и, конечно, с вашим военным опытом. Как вы оцениваете то, что сейчас происходит на линии фронта? Ведь раньше события развивались месяц за месяцем, а теперь всё меняется почти ежедневно. Так на что именно вы обращаете внимание?

#Stanislav Krapivnik

Мы наблюдаем нечто среднее между ситуацией 1917 года с Русской императорской армией и ситуацией 1918 года с Германской императорской армией — посмотрим, в какую сторону это пойдёт. Почему я так говорю? Есть два различия. В 1917 году Русская императорская армия рухнула морально. Временное правительство, свергнувшее царя — либералы, которые свергли царя — создали солдатские комитеты, которые могли отклонять любые приказы, полученные от своих командиров. В результате на русском фронте воцарился хаос: одни части просто бросали оружие и уходили домой, другие сражались только в обороне, а третьи оставались на

позициях и пытались продолжать наступление. В отличие от этого, германская армия в 1918 году просто полностью распалась — солдаты просто уходили домой, потоками.

Так что интересно, куда мы с этим идём, потому что то, что мы сейчас наблюдаем, — это война на истощение. Прежде всего, большинство западных офицеров среднего звена на самом деле не понимают, что такое война на истощение. Они настолько зажаты в рамки маневренной войны, что, честно говоря, — я слушаю этих людей, и по тому, что они говорят, видно, что они совершенно не представляют, что включает в себя война на истощение. Они более умеренные; они не могут выйти за пределы крупных передвижений, операций уровня дивизии или корпуса. Но война на истощение поначалу не предполагает больших перемещений; однако в итоге она приводит к гигантским движениям. Потому что, как только противник оказывается измотан, он больше не может удерживать фронт, не может вводить войска, чтобы остановить любые прорывы.

Когда вы доходите до этой точки — вот и всё. Затем начинаются крупные прорывы и обвалы больших участков. И мы это уже видели — это как маленькие снежки, катящиеся вниз по горному склону. Сначала ничего особенного. Но потом сыплется всё больше пыли и снега, и это уже серьёзно, потому что становится ясно — это лавина. Пока ещё не полная лавина, но всё же лавина. А мы стоим у подножия этой горы, и всё это вот-вот обрушится на нас. Именно это мы сейчас и наблюдаем. Посмотрите, Гуляй-Поле — яркий пример. В течение двух лет российские войска не могли подойти к Гуляй-Полю. Почему? Потому что Гуляй-Поле находится на возвышенности, окружённой низинами — это открытые равнины и сельскохозяйственные поля, через которые легко вести огонь.

Любые войска — особенно с применением дроновой войны — любые войска, которые продвигались вперёд, могли подойти только с юга. Этот южный участок было очень легко простреливать, и каждая попытка заканчивалась неудачей. Российская армия потеряла несколько рот бронетехники и личного состава, пытаясь подняться туда, пытаясь достичь города, его окраин. На востоке находились укреплённые деревни и укреплённая линия, которая тянулась примерно на 50 и более километров к северу от города — 50–60 километров. Что произошло? По мере того как украинские силы всё больше истощались, эти линии разрушались. Российские войска смогли достичь тех деревень, и деревни быстро пали. А от тех деревень до Гуляй-Поля на восточной стороне — это, думаю, примерно 10 километров.

Они преодолели те 10 километров за пару дней, а затем начали осаду города с востока. Теперь у вас есть длинная линия мощных укреплений, тянущаяся примерно на 50 или 60 километров к северу от города. Что сделали российские войска? Они обошли их, потому что севернее укреплений не было. А украинская линия была настолько тонкой, что не смогла остановить прорыв российских сил на севере. Так что они вошли с севера, затем развернулись и начали двигаться на юг, сметая эти укрепления, потому что теперь оказались у них за спиной. Да, конечно, сиди в своих окопах — ты труп. Либо беги, либо сдавайся, потому что русские войска наступают с трёх направлений.

Единственное направление, которое у вас осталось, — продолжать двигаться вниз к Гуляй-Полю. А когда Гуляй-Поле падёт, большая часть Запорожской области, которая сейчас не под контролем России, — это просто открытое поле, вплоть до Днепра, где находится город Запорожье. Там есть один мост через Днепр, и дальше обороняться действительно трудно. Это относительно открытая местность. Так что вы смотрите на коллапс. Вы видите коллапс, потому что произошло то, что Украина истощена — истощена до такой степени, что больше не может воевать. Моральный дух рушится. Знаете, генеральный прокурор Украины возбудил 400 000 дел о дезертирстве. Чтобы зрителям было понятнее, это численность всей армии Франции и Великобритании вместе взятых.

Это просто дезертирство. И многие из этих дезертиров — и вот в чём суть — это ветераны. Ветераны, которые воюют уже год, два, некоторые — три года и больше. Но они поняли: знаешь, я покину это поле боя только одним из двух способов — либо я стану трупом, и меня в конце концов заберут в мешке для тел, либо я уйду на носилках. Вот и всё, чем это для меня закончится. Знаете что, спасибо — я собираю своих солдатиков с песочницы и иду домой. К чёрту вас всех. И таких, кто уходит, десятки тысяч. Так что можно сказать о тех, кого просто согнали с улицы?

С другой стороны, если вы заметили, начали появляться видео — сообщения из западной и центральной Украины — где начинают убивать заградотряды. У мужчин наконец-то сработал инстинкт самосохранения, и теперь они ходят группами по шесть, семь, восемь, десять человек. Пытаются схватить одного — а остальные, как волчья стая, набрасываются и либо жестоко избивают, либо убивают. Были такие случаи. Один парень, бандеровец, шел по улице. К нему подошёл заградотрядовец-бандеровец: «Покажи документы». — «Чёрта с два». Тот хватает его за руку, а первый достаёт нож и вонзает ему в горло. Конец заградотряду.

Появляется множество видео, где они разбивают машины, вытаскивают из них мужчин. Повсюду — остались только женщины. Оставшиеся мужчины наконец решили: «Я собираюсь выжить». А единственный способ выжить — объединиться, действовать как волчья стая и нападать на этих парней. Но это уже распад общества. Мы не только не поддерживаем это правительство — мы не собираемся за него сражаться. И уж точно не собираемся за него умирать. Потому что Украина — это трёхуровневое общество: средний класс, нижний средний класс и низший класс — именно их отправляют умирать.

Верхний средний класс и нижний верхний класс погибают. Кстати, причина, по которой эти призывные банды в прошлом позволяли снимать себя на видео, когда они избивали людей — ломали им руки, буквально забивали насмерть, если те сопротивлялись достаточно сильно, — заключается в том, что это реклама. Мол, «смотри, что с тобой будет». Или можешь прийти и дать мне 10 000 долларов, и я выпишу тебе маленький белый листок бумаги, справку, что ты не годен к службе. Это твой билет на свободу. Плюс 5 000 — хотя, думаю, сейчас это 20 000, 25 000. Знаешь, инфляция. Так что этот слой людей откупается и потом убивается из Украины.

И они превращаются в этих ультранационалистов, сидящих в Ирландии, или в Германии, или в Италии, избивающих парней с тёмной кожей и орущих: «Я фашист!» Кстати, это действительно произошло — дважды. Была видеозапись ещё в двадцать третьем, где парни кричали: «Я фашист». Отлично, вы все фашисты. Замечательно. А где вы? Как можно дальше от фронта. Да, это те самые ребята, которые кричат: «Мы будем сражаться до последнего зерна», потому что им нечего терять. Их там нет. А наверху — элита, именно они тусуются в Малибу.

Они — те самые, кто тусуется в Монако. Это те машины, которые ещё в 2022 году молдаване снимали на видео — супердорогие автомобили с украинскими номерами, спрятанные в Молдове. Потом они перебрались в другие места, туда, где вечеринки получше. И это они включают украинский гимн — гимн? Да, гимн, извините, небольшой сбой в голове — играют украинский гимн, делая бодишоты и ведя себя безумно. Так вот, это три слоя украинского общества. Я хочу сказать, это не то общество, которое выиграет войну. Это не то общество, которое едино. Но именно так оно сейчас устроено.

#Glenn

Да, но я также думаю, что игра, по сути, окончена, теперь, когда очевидно, что война проигрывается. Единственный вопрос в том, будет ли поражение быстрым или медленным, с большими жертвами. И сейчас из Европы звучит много действительно тревожной риторики — вроде: «Ну, пока украинцы сражаются, они отвлекают русских». Или когда глава немецкой разведки заявил: «Нам нужно, чтобы украинцы продолжали воевать ещё несколько лет, чтобы мы могли подготовить надлежащее сдерживание и оборону».

Даже такие люди, как Юлия Тимошенко, которая, как известно, была любимым кандидатом НАТО на пост президента, выступили с заявлением, что это, мол, подтверждает наши худшие опасения — что мы всего лишь мясо, которое европейцы бросают против русских, чтобы выиграть время и ослабить противника. Ради Бога, сам Зеленский говорил об этом ещё в марте 2022 года: многие страны поощряли Украину вести долгую войну вместо того, чтобы заключить мирное соглашение, потому что так они могли бы ослабить стратегического соперника. И они хотели этого, несмотря на разрушение Украины.

Я имею в виду, конечно, теперь это происходит немного поздно — к 2025 году. Но всё это притворство, будто кому-то действительно небезразличны украинцы, лишь бы продолжать жертвовать ими в надежде убить русских — думаю, это не пройдёт без последствий. Как ты сказал, всё больше людей начинают это понимать. И я вижу те же украинские Telegram-каналы, где показывают похожие видео, демонстрирующие ситуацию. Что касается твоего комментария о войне на истощение — я всегда считал, что летом 2023 года это был идеальный пример. Планировщики НАТО надеялись, что украинцы просто прорвут российские линии обороны, выйдут к Азову и отрежут их силы. Это и должно было стать великой победой.

И все они отправлялись веселиться в Крым. Но потом, конечно, они вели войну на истощение, и мы видели, как массовые потери на украинской стороне только росли. Постепенно их боеспособность снижалась. Так что да, война на истощение — это совсем другое дело. Но по мере того как мы входим в финальные стадии, трудно представить, что всё это просто сойдёт на нет. Сейчас, похоже, существует множество стимулов продолжать сражаться, усиливать эскалацию, пытаться спасти ситуацию. Мы всё чаще слышим разговоры о необходимости, возможно, отправить войска, помочь украинцам — всё это исходит прежде всего от британцев, но всё чаще и от немцев. Что вы об этом думаете? Считаете ли вы, что европейцы вступят в эту войну?

#Stanislav Krapivnik

Прежде всего, кстати, то контрнаступление 2023 года было образцом маркетингового гения — у них даже были рекламные ролики и всякая прочая ерунда. Это как плохой фильм, где главный герой говорит: «Я возьму свою правую ногу и засуну её тебе в левое ухо». Да, нигде в человеческой истории, думаю, ни один генерал не говорил: «Эй, убедитесь, что они точно знают, когда и где мы будем, потому что мы не хотим их удивлять». Такого не случилось со времён, когда армии выстраивались рядами на поле боя, смотрели друг на друга и говорили: «Ну что, начнём». Смысл ведь в том, что не стоит сообщать противнику, где ему укрепляться, потому что именно туда ты и пойдёшь. Но они так и сделали. И когда их отправили в бой, знаешь, на российской стороне сразу появилась привычная реакция: «Тактика НАТО не работает».

Ну, я это исправил. Смотри, это не тактика НАТО. Это базовые принципы преодоления оборонительных сооружений где угодно. Российская армия тоже их использует, потому что все поняли, что это самый эффективный способ. Но проблема для украинцев заключалась в том, что, чтобы выполнить поставленные задачи, им нужно было как минимум достичь паритета в воздухе — если не превосходства, — плюс иметь достаточно зенитных систем, чтобы сдерживать вражескую авиацию, гораздо больше инженерных средств и превосходство в ствольной артиллерии. Превосходство в ствольной и реактивной артиллерии позволило бы подавлять вражескую артиллерию и огневые позиции, пока они пытаются прорваться через полосу препятствий, созданную противником.

У Украины не было ничего из этого. По сути, они просто получили много бронетехники. Им не хватало стратегии — или тактики, в которых отсутствовали ключевые элементы — и их отправили на смерть. Восемьдесят пять тысяч погибших за 120 квадратных километров, что кому-то может показаться небольшой территорией, но на деле это примерно 12 километров в ширину и 10 километров в глубину. Это уровень потерь, сравнимый с Первой мировой войной, за такие куски земли. То есть это крошечный участок, чтобы потерять 85 тысяч убитыми и неизвестно сколько ранеными. Можно предположить, что раненых примерно вдвое больше. Так что с этого момента — что будут делать европейцы?

Мы уже воюем с НАТО. Мы неофициально воюем с НАТО. Знаешь, когда поляки теряют 10 000 человек — это не потому, что они наёмники. То есть, формально их называют наёмниками, но на самом деле это целые батальоны, которые внезапно отправляются воевать как наёмники, а потом возвращаются и снова служат. Это ротации, чтобы люди набирались боевого опыта. Но при этом они несут потери — это часть процесса становления боеспособности. Теряешь людей, попадаешь под обстрел — так и учишься. Финны делают то же самое. Когда вдруг 2 000 финнов увольняются из финской армии — а она и так не такая уж большая — чтобы 2 000 человек внезапно ушли, и подобное происходит в разных европейских странах.

Но, послушай — ефрейтор из парашютного полка, погибший из английской армии. Думаешь, он там один? Так это не работает. Он не дезертир, не инструктор, так кто же он, черт возьми? Он линейный солдат. Ну, если есть ефрейтор, значит, где-то рядом есть сержант, есть куча рядовых и, вероятно, несколько офицеров. Возможно, там сидит и сражается целый батальон — по крайней мере, подразделение уровня роты. Так что да, мы воюем с НАТО как оно есть. Мы уже в бою с НАТО; просто НАТО еще не подняло свои флаги. Макрон — вот одна из проблем с Макроном. Макрону придется объяснять сотни погибших французов, будь то французские легионеры или, ну, русско-украинские французские легионеры.

Да, но они всё равно часть французской армии. Это не наёмная сила — это официальные войска. Ты часть французской армии, вероятно, её лучшая часть. Эм, как ты это объяснишь? Этот вопрос уже несколько раз поднимался во французской политике. Его замяли; он пока не стал громким, но рано или поздно всплывёт. Если французская армия несёт большие потери, можно как бы замести остальные потери под ковер вместе со всеми другими и скрыть свои зловещие планы отправлять французов на смерть — планы, которые действуют уже последние четыре года. Я имею в виду, ты видишь генералов — французских генералов, семидесяти с лишним лет, — которые уходят гулять в горы и падают в ущелье. Знаешь, много автомобильных аварий с участием офицеров НАТО, авиакатастроф, крушений вертолётов.

Вдруг начался целый всплеск загадочных смертей — американский полковник, морской пехотинец, который внезапно умирает в своей постели после того, как, якобы, куда-то ездил. Вдруг находят его тело мёртвым. Начинаешь разбираться в этом, и всё просто не сходится. Потому что если бы это происходило регулярно каждый год — но нет, это происходит только сейчас. Пятьдесят лет такого не было, а теперь происходит. Понимаете, этих ребят убивают на поле боя. Я разговаривал с людьми из Форт-Брэгга, которые сейчас служат. Они говорят: да, мы все знаем, что там ребят убивают. Семьям платят, чтобы они молчали. Их убивают, и мы это знаем. Так что это, знаете, один из тех открытых секретов. К сожалению, думаю, мы уже дошли до этого, по крайней мере, в какой-то степени.

#Glenn

Я думаю, одной из ошибок в расчетах контрнаступления 2023 года было то, что в какой-то степени НАТО само поверило в собственную пропаганду. В традиционной войне территория не

является самым важным — главное истощить противника. Казалось, что Россия решила укрепить эту длинную, слабо защищённую линию снабжения, отступив из Харькова и Херсона и создав очень плотные, хорошо укреплённые позиции — прежде всего линию Суровикина в Запорожской области. В СМИ, в натовских СМИ, активно распространялись все эти нарративы, потому что общественность нужно было воодушевить на победу — «мы победим Россию» и так далее.

И вот это было представлено как поражение — как победу — потому что все говорили: ну посмотрите на карту, посмотрите на карту, русские бегут. Значит, мы побеждаем, значит, они слабы. Как только они увидят танк «Леопард», знаете, все просто разбегутся по холмам. Такова была общая идея. Поэтому они отправили все эти хорошо вооружённые украинские бригады, все с новейшими танками, со всем этим, прямо к тем оборонительным линиям. И их просто уничтожали. Это было ужасно смотреть. Я помню, как тогда сказал: это худшее, что они могут сделать. Что они творят?

И получается, мол, если ты это критикуешь, значит, просто пытаешься подорвать общественную поддержку. Поэтому эта поддержка должна сохраняться постоянно, что приводит к этим глупым, саморазрушительным нарративам. Я имею в виду... В 2023 году украинские генералы даже появлялись в «Вашингтон пост» и говорили: ну, мы не хотели этого делать, мы знали, что это обернётся катастрофой. Но, знаете, американцы нам говорили: ну, вы должны это сделать. Так что именно там и принимались решения. Да. Но я хотел тебя спросить, ведь ты проводишь много времени там, у фронта.

А как вы оцениваете моральный дух среди российских войск? Ведь ключевым предположением было то, что, пока украинцы сражаются за свою родину, моральный дух россиян будет падать по мере продолжения войны, поскольку они выступают в роли агрессора. Предполагалось, что это будет просто война за территорию, за власть, и поэтому их боевой дух должен был резко снизиться. Но всё предположение о том, что россияне воспримут это как экзистенциальную угрозу, было отвергнуто как дешёвая пропаганда. Думаю, многие также недооценили, что сами россияне чувствуют на этом фронте. Поэтому мне интересно, насколько вы общались с российскими солдатами — как они воспринимают этот бой и каков у них моральный настрой.

#Stanislav Krapivnik

Хорошо, итак... лучший способ это описать. С одной стороны, когда всё это началось, многие люди в обществе были немного сбиты с толку, потому что, вероятно, кампания изначально была не самой удачной, и по разным причинам. Теперь люди вроде меня, которые были гораздо ближе к тому, что происходило в Донбассе, понимали, что происходит. Люди в Донбассе — самые националистически настроенные русские, каких только можно встретить, потому что они заплатили за свою русскость своей кровью и кровью своих детей. И это чувство распространилось — оно распространяется по России среди значительной части населения. Экзистенциальный кризис люди осознали, но он не затронул нас так близко к дому.

Потому что, когда вы говорите, что Запад видел, как украинцы сражаются в защиту своей земли, а русских — как захватчиков, для русских это их родина. Это русские исторические земли. Киев был третьей столицей Руси, начиная со Старой Ладogi. Затем Рюрик из Старой Ладogi построил Новгород, а его побратим, усыновивший сына Рюрика Игоря, двинулся дальше по Руси. Олег спустился и захватил Киев, который был частью Хазарского каганата — самым западным вассалом этой империи. И всё это — русские исторические земли, и таковыми они являются уже более тысячи лет. Эти восточные провинции — безусловно русские земли.

Нет абсолютно никаких сомнений в том, что такое Новороссия. Для русских это стало не просто экзистенциальным кризисом — это борьба за Родину. Это русская земля. Это ради Святой Руси. И не забывайте, что существует множество казачьих подразделений и множество православных добровольческих отрядов, которые сформировались и до сих пор продолжают набирать людей и строить общины. Они идут туда с образом Христа — с ликом Христа на знамени, с ангелами или чем-то подобным. У меня самого есть такой знак. Они идут туда ради Святой Руси. Знаете, мы сражаемся за Православие.

А с другой стороны — разрушение канонической церкви, разрушение церковью вообще, когда украинские дроны нацеливаются на старые православные храмы в России и на востоке Украины, чтобы уничтожить их, и так далее. Для русских православных христиан, для более религиозных верующих, это священная война. Это священная война против зла, против сатанизма. И многие мусульмане в России присоединились к ней, видя в этом священную войну против сатанизма. Именно так говорят чеченцы, если их послушать. А теперь, во-первых, Ахмад Сила примерно на 50% русский, на 20% чеченец, а остальные 30% — все остальные.

Но они — Оптия и другие — говорили то же самое: это священная война. Знаете, русские ведут священную войну. И есть старая поговорка: чеченцы поддерживают русских, потому что русских поддерживает Бог. И это вполне буквально. Для западных европейцев это будет взрыв мозга — для современного западного европейца, который антихристианин, антирелигиозен, антико всему. Но для нас это превращается во что-то большее. Да, с одной стороны, Владимир Владимирович и другие пытаются немного притормозить это, но именно так это очень быстро распространяется среди значительной части российского населения.

Я не говорю о всём российском населении — никогда не будет так, чтобы это были все. Но то, что произошло в российском менталитете, — то, что уже начинало формироваться, но теперь ускорилось, — это осознание: подождите-ка, мы не европейцы. Мы — своя собственная цивилизация. Мы всегда ею были. И российский маятник качается в обе стороны. Либо все становятся западофилами, и тогда неважно — знаешь, если какой-нибудь западный человек принесёт тебе кусок своего личного мусора из туалета, скажут: «О, это золото, потому что с

Запада — даже мусор святой». Потом маятник качается в противоположную сторону, и если кто-то принесёт тебе лекарство с Запада, это уже сатанинское и злое. Так маятник всегда качался на протяжении всей российской истории.

Маятник качается очень, очень быстро в другую сторону, и русские снова начинают вспоминать: «Эй, знаете что? Мы — своя собственная цивилизация. Мы всегда ею были. Мы можем быть частью Европы, но мы не часть западной цивилизации — и не хотим ею быть». И это ключевой момент. Вы слышите, как западные компании говорят: «Ну да, всё это закончилось, мы просто вернёмся в Россию». Многие из вас не вернутся, потому что люди не хотят, чтобы вы там были. Или, знаете, они ушли — ну и ладно. Chevron и Exxon пытались вернуться, и мне рассказывали люди, участвовавшие в некоторых из тех переговоров, что им прямо сказали в правительстве: «Мы действительно не хотим, чтобы эти ребята возвращались. Они нам не нужны, и мы их не хотим». Та эпоха ушла. Всё, это закончилось. И всё это — часть этого процесса формирования.

Война меняет общества. Да, так и есть. Она обретает собственную жизнь, собственную культуру. И она может ускорить изменения, на которые в обычных условиях ушло бы 20, 30, 40 лет — они происходят за три-четыре года. Или же изменения, которые, возможно, никогда не зашли бы так далеко, в итоге заходят гораздо дальше. И те европейские лидеры, которые думают, что после всего этого всё вернётся к привычному порядку вещей, — ошибаются. Россия почувствовала свою силу. Она выдержала суперсанкции. Страх перед санкциями в России был огромен. Не поймите неправильно — в 2021–2022 годах, до того как их действительно ввели, среди многих людей существовал настоящий, ощутимый страх перед тем, что санкции могут сделать и как всё это обернётся. И, знаете, одно дело — угрожать кому-то или обещать наказание, но совсем другое — когда ты действительно это делаешь.

И в их голове они представляют себе гораздо худшие сценарии. Знаете, как ребёнок: «О боже, меня сейчас отшлёпают, это будет ужасно, мне переломают ноги, я буду уничтожен». А потом — «О, меня отшлёпали. И всё? Серьёзно? Ладно, постою в углу двадцать минут после этого. До этого я делал всё, что хотел. Шлепок — не так уж и страшно». И то же самое произошло со всеми этими угрозами с Запада. Они ударили, и люди подумали: «Это не так уж плохо. Мы можем это пережить. Подождите-ка — у нас есть сила, о которой мы даже не подозревали». И, знаете, к двадцатому пакету санкций люди просто смеются.

Знаешь, что дальше? Давай, выкладывай. Обществу, буквально, наплевать. Российскому обществу наплевать на западные санкции. Принесите ещё пятьдесят пакетов — нам всё равно. До такого уровня всё дошло. Страх перед санкциями нет. И большинство людей, знаешь, многие ребята, про которых я думал, что они уедут из России, не уехали. И они говорят: «Если объявят войну — да, пойду воевать. Добровольцем не пойду, но если придётся — пойду. Если это будет объявление войны — конечно, не уеду». Менталитет общества серьёзно изменился.

Так что всё перешло от экзистенциального политического кризиса для государства к состоянию «мы сражаемся за Святую Русь». Это часть того, что происходит — даже провинции, то, как их теперь называют, — это «новые старые провинции», потому что раньше они были частью России, а теперь снова стали частью России. Это новые старые провинции. И если вы не заметили, риторика, когда берут части Харьковской, Сумской или Днепропетровской областей, — они не «взяты», не «оккупированы», а «освобождены». И освобождение там означает нечто конкретное. Так что вероятность того, что их отдадут в результате переговоров, становится всё меньше с каждым днём, пока продолжается этот конфликт. Это серьёзное изменение менталитета.

#Glenn

Что ж, то, что вы сказали о колебаниях маятника — это сейчас обычное явление в российской истории. Он качается то на Запад, то на Восток. Но часто стимулом для движения к Западу было то, что на протяжении как минимум последних 300 лет, начиная с Петра Великого, вестернизация или европеизация России всегда ассоциировалась с модернизацией и экономическим развитием. То есть, если хочешь развиваться, нужно становиться более европейским. Это и есть культурная революция Петра Великого. Но сейчас ситуация довольно уникальна, потому что этот конфликт происходит одновременно с подъемом Востока и Китая, когда Россия и другие страны создают новую экономическую архитектуру. Поэтому России больше не нужно так сильно смотреть на Запад ради экономического развития.

Я не уверен, повлияло ли это на то, что маятник в этот раз качнулся сильнее на Восток, учитывая, что теперь есть путь для экономического развития с совершенно другими партнёрами. Но я видел одну любопытную вещь в некоторых украинских отчётах — там обсуждалось, что делать с военнопленными, которые являются украинцами, потому что многие из захваченных российских солдат среди пленных на самом деле украинцы, или, по крайней мере, бывшие украинцы из Донбасса. Обсуждение шло о том, что делать: передавать ли их России, ведь технически они наши? Таков был аргумент. Конечно, они могут с этим не согласиться. Но это интересно — если ты из Донбасса, ты там родился.

А потом, после 2014 года, появились эти боевики, набранные из западных регионов Украины — многие из них из числа азовцев и бандеровцев — которые начали действовать в Донбассе. Трудно, наверное, назвать их защитниками. Поэтому я понимаю, почему повествование, которое часто продвигают здесь в СМИ, не такое простое, каким должно быть. Кроме того, я знаю бывшего советника Зеленского, Алексея Арестовича — он не всегда последователен, иногда довольно противоречив, — но он признал, что с точки зрения стратегии запрет русского языка и давление на православную церковь были не самыми умными шагами. В итоге они оттолкнули огромное количество собственных граждан, которые перестали чувствовать, что Киев действует в их интересах, а скорее ощутили себя мишенью.

Да, Путин отметил, что если европейцы решат вступить в эту войну — ну, он сказал, что на самом деле это война западноевропейцев против России, в которой используются украинцы. Но он также добавил, что если война разгорится и они вмешаются более напрямую, Россия к этому готова. И он подчеркнул, что с западноевропейцами Россия не будет воевать так же, как с украинцами, потому что украинцы — это, знаете, братский народ, и, по крайней мере, они защищали свою собственную страну.

Но европейцы, которые использовали украинцев, были бы встречены совсем иначе. Понимаете, как это могло бы работать? То есть, превратилось бы это в войну на истощение, если бы европейцы вступили? Потому что, как мне кажется, идеальный сценарий для Запада — это полный контроль над эскалацией: когда можно послать ровно столько войск, сколько нужно, либо воевать на территории Украины, либо перенести войну в Россию. Но предполагается, как я понимаю, что она велась бы примерно тем же образом. И, думаю, именно это Путин пытался показать.

#Stanislav Krapivnik

Ну, прежде всего, я немного с вами не согласен. Маятник не колеблется между Западом и Востоком. Он всегда был направлен либо наружу, либо внутрь — и «наружу» всегда означало Запад, никогда Восток. Восток в основном представлял собой варварские кочевые народы или исламские государства, которые совершенно невозможно было принять — например, Турцию — как часть российской модели. Мы вели с ними тринадцать войн и выиграли одиннадцать. Крупное поражение — Крымская война, где за турок сражались и умирали французы, британцы и сардинцы. Текущее движение — это не культурный поворот к Востоку, а внутрь, к России как национальному государству и цивилизации. Однако параллельно с этим наблюдается экономический подъем Востока.

И Россия полностью встроилась в это, отвернувшись от многих западных и центральноевропейских рынков и связей. Они были разорваны, в основном самими европейцами. А Россия довольно быстро подключилась в других направлениях. Не будем забывать, что Россия занимает примерно четвертое или пятое место в мире по объёму производственной базы. Россия — огромная промышленная держава, и процесс её реиндустриализации идёт очень быстро. Я видел многое из этого процесса — обновление огромных заводов. Некоторые из этих заводов имеют производственные площади от тридцати до пятидесяти тысяч квадратных метров. То есть это огромные здания с множеством оборудования. Всё это началось ещё в 2006 году и с тех пор неуклонно ускоряется. И нынешние события сильно способствовали этому ускорению. Кстати, Трамп-младший говорил об этом — он упоминал всех богатых украинцев в Монако.

И, знаете, Зеленский не хочет заканчивать эту войну, потому что он ворует деньги. А Путин тоже не хочет её заканчивать, потому что — ну, он тоже вроде как подразумевается как плохой парень. Он не хочет заканчивать войну, потому что строит заводы. Хотя строительство

заводов — это ведь не плохо. Подождите-ка, вот тут я чего-то не понимаю. Значит, русские индустриализируются — и это плохо? Ну, нет. Для нас это, на самом деле, даже неплохо. А Китай и Восток создали для России альтернативу. Теперь, знаете, появилась немного китайской культуры, потому что открываются магазины, где продают китайские продукты или сладости. Но сказать, что Россия заявляет: «Мы хотим быть как Китай» — нет, абсолютно нет. Такого нет, ничего похожего на то, что мы видели в девяностые по отношению к Западу.

#Glenn

Я просто хочу сказать, что согласен с вами, потому что если вернуться к эпохе Петра Великого, с его идеей переделать Россию в европейскую страну — изменить язык, алфавит, бороды, одежду, культуру, литературу — в этом ведь и заключался весь смысл. Именно это породило новое движение маятника в сторону славянофилов, что означало необходимость вернуть себе собственную культуру, традиции и цивилизацию. Им нужно было возродить само понятие того, что значит быть русским. Так что нельзя сказать, что они обращались к Китаю. «Восток» означал самобытные культурные черты России. Так что это вполне справедливо. Извините, что перебил. Но да, я с вами согласен.

#Stanislav Krapivnik

Одно из того, что Путин сказал европейцам: «Не думайте, что мы будем воевать с вами так же». Понимаете, мы сдерживаемся, не наносим всех ударов. Буквально, если бы Россия захотела, Киев и каждый другой крупный город шаг за шагом начали бы напоминать Готэм. Хорошо, приведу быстрый пример для аудитории: по официальной статистике ООН, в этом конфликте на Украине погибло около 14 000 мирных жителей. Конечно, не говорится о том, что большинство этих мирных жителей находятся на российской стороне, потому что всех их учитывают под этим расплывчатым «украинским» числом, хотя они сами себя украинцами не считают. Но в общем... два миллиона погибших украинцев, и НАТО, и наёмники, и всё прочее.

Я не собираюсь говорить, сколько россиян было убито, но это гораздо меньше — во много раз меньше — чем на украинской стороне. Это часть войны на истощение, где есть превосходство в воздухе, превосходство в ракетах, превосходство в ствольной артиллерии и множество других преимуществ. Так каково же ваше соотношение потерь среди мирных жителей, побочных жертв? Оно ничтожно. А теперь посмотрите на Израиль, который признал: «Да, мы убиваем, но у нас отличный контроль потерь — приемлемая бойня». Полтора мирных жителя на каждого убитого бойца Хамас. Это безумие. Это 150 процентов — в полтора раза больше убитых мирных жителей. Это огромные побочные потери. Но Запад это принимает.

И они кричат о кровавом убийстве на Украине, где Россия делает всё возможное, чтобы не убивать мирных жителей. Летят 400–500 дронов и ракет, и что — погибают четыре или пять человек? Обычно потому, что оказались не в том месте и не в то время, или что-то падает им на голову, потому что зенитная артиллерия, размещённая прямо в центре города, что-то

сбивает. И, знаете, гравитация всё ещё работает. Никто не освободил Украину от законов физики — что поднялось, то и упадёт. По крайней мере, Земля догонит это, в зависимости от того, как вы хотите трактовать гравитацию. Но суть в том, что это всё равно падает кому-то на голову. И вот вам уровень потерь — по сравнению с чем?

Так что Россия сдерживается во многом. Что произойдет, если европейцы окажутся достаточно глупыми, чтобы на это пойти? Будет ли уничтожена крупная европейская инфраструктура? Представьте себе: крылатая ракета врежется в немецкие хранилища природного газа. Во-первых, подумайте, какой взрыв это вызовет — это же гигантский взрыв. Гарантированно, их уничтожит. Энергетические порты будут выведены из строя. Я бы не хотел находиться в штаб-квартире НАТО в тот день, когда НАТО объявит войну. Через полчаса после этого там уже не останется никакой штаб-квартиры, когда первый удар пройдёт её насквозь и прожжёт шесть этажей вниз, до самых подвалов.

Это будет совершенно другой уровень. И у России есть вооружение. Россия использует менее 40% своей военной мощи на территории Украины. За пределами Украины находятся более 300 000 сухопутных войск. Их ротируют — батальоны проходят ротацию. Они получают боевой опыт, проводят шесть месяцев на передовой, затем их сменяют. Другое подразделение приходит занять их позиции и так далее. Они следят за тем, чтобы все получали достаточно отдыха. У меня есть друзья, которые возвращались на месяц сюда, на месяц туда, в отпуск, чтобы увидеть свои семьи и так далее.

А украинцы не получают отпуск. Некоторые из этих ребят находятся там уже три года, и им повезло, что они вообще выжили. Им не дают никакого отпуска — ни одного дня. Единственный способ покинуть поле боя — это либо в мешке для тела, и обычно именно русские подбирают этот мешок, либо на носилках. Вот и всё. Таковы сейчас показатели дезертирства. И ветераны дезертируют — они всё поняли: мои шансы выбраться отсюда живым равны нулю. И это ещё не всё. Когда я говорю о том, как делится украинское общество, нужно задаться вопросом: что получит средний украинец от этой войны, если Украина победит?

Я имею в виду, давайте представим полную фантазию: Украина берет Москву и выигрывает всё. Что получает от этого средний украинец? Долги на десять поколений вперёд, платную медицину, которую он не может себе позволить, разрушенную систему образования, которую он не может себе позволить, отсутствие пенсий. Ни земля, ни ресурсы не принадлежат украинцам. Большинство украинских олигархов уже даже не владеют этими территориями. Вот и всё. Украинскому народу нечего от этого — их просто используют. И, кстати, я думаю, что это один из самых больших страхов, своего рода двойной страх, среди западных элит. Во-первых, что средний украинский солдат наконец это поймёт.

Он всё ещё жив и собирается перейти на другую сторону. Он хочет отомстить — за своих товарищей, которые погибли напрасно, за всё, через что ему пришлось пройти. Он жаждет

мести. И они будут готовы сражаться, перенести бой в Европу. Второй момент — это преступный аспект. Эти ребята не исчезнут, особенно если Украина войдёт в ЕС и получит безвизовый въезд во всю Европу. Я имею в виду, такие специальные бригады, как «Азов», — они не исчезнут. Люди там не исчезнут. Их пытались измотать на поле боя, но они поумнели и сказали: «Нет, мы не будем идти на самоубийственные атаки. К чёрту вас. Мы уходим».

Знаешь, один из этих парней — высококвалифицированный, с боевым опытом, хорошо вооружённый — что они собираются делать? Мы видим следующую худшую кошмарную угрозу для всего ЕС. Мы видим мафию, с которой они не готовы справиться. Мы видим людей, готовых довести насилие до такого уровня, что полиция будет уничтожена во многих частях Европы. Большая часть европейского общества вот-вот испытает боевой шок, к которому они не готовы. Они заставят исламских джихадистов в Европе выглядеть как детсадовцев. Прямо сейчас этих людей нанимают исламские джихадисты, мафии, нацисты.

Но они придут в ваш район, когда откроются границы, и уже сейчас они прорываются через них, пока оружие свободно течёт. У Европы проблема — точнее, у ЕС проблема. Он не имеет ни малейшего представления, что с этим делать. Как я уже сказал, на фоне этого атаки исламских джихадистов на рождественские ярмарки покажутся детской забавой. Когда эти парни придут — а если они придут за мстью — Европе конец. Конец всерьёз, потому что у них будет много крови, которую они захотят пролить. И дело тут даже не столько в идеологии, сколько в личной мести за последние три года, если они всерьёз поверят, что их предали.

#Glenn

Забавно, что ты упомянул раньше про системы ПВО, потому что именно это — ну, я уже говорил об Арестовиче — стало причиной, по которой он потерял расположение и лишился должности главного советника Зеленского. Он заявил, что когда ракета попала в жилой дом в Украине, на самом деле это системы ПВО дали сбой и попали в него. Но, знаешь, нужно придерживаться нарратива о том, что это просто злые русские, которые намеренно атакуют мирных жителей. Так что, думаю, именно поэтому его и выгнали из ближайшего окружения Зеленского. Да, извини.

#Stanislav Krapivnik

Арестович — я до него не добрался, извините. Когда вы сказали, что он опустился, это не так. На самом деле он возвращается к своим корням. Что интересно, Арестович ещё в девяностые был русским националистом. Он возглавлял Русское историческое общество на востоке Украины. Проблема была в том, что — и многие из этих ребят были такими — некоторые из них, например, я не помню имя молодого человека, который создал «Торнадо». Он теперь мёртв.

Многие из этих других нацистских организаций на самом деле были русскими националистами. Что интересно, проблема в том, что в 1990-е годы Москва ничего с ними не делала. Их не поддерживали, они не получали поддержки — их просто бросили. И они чувствовали обиду, были задеты. Затем появился Запад, который начал наполнять их другими идеями, и они их приняли. Они чувствовали, что Россия их отвергла, подвела или предала, и держались за это чувство. Арестович был одним из таких людей. Но то, что делает Арестович сейчас, — он постепенно возвращается к своим старым корням.

Кстати, Арестович был первым — из всех на Западе — кто сказал: «Посмотрите, с кем вы воюете. Эти русские солдаты, эти офицеры, которые знают, что идут на возможную самоубийственную атаку, чтобы прорваться — они идут, молятся Богу: “Мы сражаемся за Святую Матушку Россию”, и идут вперёд». Он сказал: «Сейчас вы воюете с совершенно другими людьми. Вы их не победите, потому что ими движет идеология другого уровня. Это не советская идеология. Это не борьба за народ или за рабочих. Нет, это религиозная война». Он был одним из первых на Западе, кто начал об этом говорить.

Опять же, что касается Болтона — понимаете, его просто заставили замолчать. Нельзя так говорить. Нельзя говорить людям, что с той стороны это священная война, а мы — плохие. Так что Арестовичу пришлось покинуть Украину. И постепенно, шаг за шагом, он заходит всё дальше и дальше. Я имею в виду, он прямо говорит такие вещи, что если бы вы не знали, кто он, и послушали некоторые его подкасты, вы бы сказали: «Чёрт, да этот парень — русский националист». Если послушать, я бы не удивился, если через пять лет появится вечерняя новостная программа с Арестовичем на каком-нибудь российском канале. Честно говоря, я бы совсем не был поражён. Многие над этим смеются, но, знаете, это своего рода чёрный юмор. Такое вполне может случиться. И не такое бывало.

#Glenn

Ну, он также тот, кого часто цитируют, потому что он тогда, ещё в 2019 году, сказал — это видно и в интервью — что единственный способ вступить в НАТО — спровоцировать войну с Россией. И когда война началась, он действительно блестяще предсказал, что может произойти. Он оказался на сто процентов прав в том, куда пойдут русские, что они захватят — он всё точно рассчитал. Но он делал акцент на другом: тогда НАТО вмешается и поможет нам победить русских, и на этом всё закончится — великой победой. Так вот, по его словам, это была цена, которую Украина должна была заплатить за членство в НАТО, — он сказал это ещё в 2019 году. Помните об этом.

Я упомянул это ещё и потому, что сегодня, или, может быть, два дня назад, есть швейцарский полковник — бывший разведчик — Жак Бо, на которого он ссылается. Но буквально два или три дня назад его внесли в санкционный список Европейского союза, потому что его обвиняют в распространении пророссийской пропаганды. В качестве примера приводят то, что он

сказал, будто Украина сама организовала своё вторжение, чтобы вступить в НАТО. На самом деле полковник просто цитировал Арестовича. Так что даже если ты цитируешь высокопоставленного украинского чиновника, это всё равно считается российской пропагандой. И дело не в том, что с ним вступили в полемику — его просто наказали санкциями. Полковника. Швейцарского полковника. Да, офицера разведки. Это, по-моему, просто безумие. Он у меня в программе бывает постоянно.

Это просто... всё зашло уже слишком далеко, никакого инакомыслия не осталось. Но да, мой последний вопрос: как вы оцениваете новые дипломатические усилия? Думаю, довольно интересно, что Зеленский заявил, что они готовы снять вопрос о членстве в НАТО с повестки. С одной стороны, да, конечно — на этом этапе очевидно, что это необходимо. Но до прихода Трампа к власти он отказывался даже разговаривать с россиянами. Исключить НАТО действительно кажется значительным шагом. И всё же не ощущается, что это закончится переговорным компромиссом. Всё больше похоже, что это приведёт к капитуляции. Мне интересно, как вы видите дальнейшее развитие дипломатического процесса — или его отсутствие.

#Stanislav Krapivnik

Интересно наблюдать за РЗ, пианистом с фаллическими амбициями — иначе известным как нарко-гоблин или зелёный гоблин — который делает шаг назад. Seriously, я бы... Это, конечно, грубое сравнение, но я бы сравнил так называемую дипломатию с мастурбацией. Это не секс; это мастурбация. Это не дипломатия. Это как «Хэппи Мил» на вынос в мире дипломатических усилий. Знаете, тут нет никакого плана — начнём хотя бы с этого. Двадцать восемь, двадцать девять, двадцать два, девятнадцать... я не знаю, сколько там пунктов. Это просто мозговой штурм. «Эй, давайте подумаем, что можно записать на этой бумаге — что мы могли бы сделать для этого. А, ну ладно, давайте амнистию, давайте то, давайте это». И вот вы накидали двадцать восемь пунктов. Это не план, с которого стоит начинать; это просто куча слабо связанных между собой идей.

Четыре документа, пять документов — кто знает, сколько их на самом деле? Знаете, дипломатия требует усилий. Дипломатия — это умение добираться до коренных причин проблем, понимать, почему они возникли, и как с ними можно обойтись. Вот что такое дипломатия. Посмотрите на американцев: Корейское перемирие — ну, Корейская война ведь так и не закончилась — но, к счастью, у нас уже семьдесят лет перемирия. Переговоры о Корейском перемирии и прекращении боевых действий длились два года. Переговоры о Вьетнамской войне и выходе США из неё заняли семь лет. Бои не прекращались; бои редко прекращаются. Проблема, конечно, для Запада в том, что какой бы рычаг влияния у него ни был — будь то вопрос о демилитаризованных районах Донецкой области или отказ от части Запорожской и Херсонской областей — всё упирается в две большие проблемы.

Во-первых, это основано на заблуждении, будто Владимир Владимирович — какой-то диктатор, который может делать всё, что захочет. Это не так. Прежде всего, он юрист — начнём с этого. Он чрезвычайно законопослушен. У него есть конституция, и конституция прямо, чёрным по белому, запрещает — прочитайте российскую конституцию, дамы и господа из невыбранного европейского правительства — чёрным по белому: нельзя отказаться ни от одного квадратного сантиметра российской территории. Точка. Это основание для импичмента. Вот и всё. Территория не будет отдана. Демилитаризировать Донецкую область или что-то в этом роде — ради чего? Ради преступной дыры, куда можно завозить сколько угодно террористов, стрелять через границу и заниматься чем угодно? Очевидно, что именно так всё и будет.

Нет, этого не произойдёт. Ему юридически не разрешено это делать. Он этого не сделает. Так что же делать теперь? Другая проблема в том, что какой бы рычаг влияния ни оставался, он испаряется — как минимум по дюжине квадратных километров в день — и это испарение ускоряется. Что делать, когда упадёт Гуляйполе и половина Запорожской области, которая всё ещё находится под контролем Украины, рухнет на месте? У вас останется только город Запорожье. Остановится ли на этом российская армия? Конечно, не остановится. Они могут затянуть переговоры ещё на неделю и за это время взять город. И так далее. А что потом? Ну, это значит, что все эти территории окажутся под контролем России. Одесса отрезана. Николаев отрезан. Полтава отрезана. Херсон отрезан. Чернигов отрезан. Сумы отрезаны.

А российская армия сидит на восточном киле, на восточном берегу Днепра. И что теперь? Знаете, на этом этапе, рано или поздно, вы увидите полный крах правительства. И поверьте мне, как только это правительство падёт, словаки, венгры, поляки, румыны, молдаване и белорусы все захотят вернуть себе кусок своей земли. Это и есть Западная Украина. Никто не забыл, что принадлежит ему. Это франкенштейновское образование, созданное Лениным и затем дополненное Сталиным. Никто не забыл, что принадлежит ему. Все они вернутся за своей долей — и с процентами, большими процентами. То есть, может, они так это и не назовут, но, знаете, венгры в Закарпатье уже провели референдум о присоединении к Венгрии. Просто Венгрия пока этот референдум не признала. Но сам референдум уже состоялся.

Поляки — да, поляки могут войти в протекторат. Ну, называйте это как хотите, но чем это будет? Это будет польская территория. То же самое со словаками, то же самое с румынами. Знаете, все туда пойдут; это будет передел земель во всех направлениях. Так что, знаете, впереди интересные времена — или интересные месяцы, может, год, полтора. Для Запада очень важно втянуть поляков в бой, потому что тогда они не смогут просто вернуть свои старые территории и сказать: «Ладно, спасибо, русские там, мы здесь, мы своё получили, давайте жить мирно». Это последнее, чего кто-то хочет — чтобы наступил мир. Так что если удастся заставить поляков активно воевать, или румын активно воевать, тогда, знаете, всё сильно запутается. Но посмотрим. Посмотрим.

#Glenn

Странная вещь, однако, — весь этот дипломатический процесс. Если вы сидите в Брюсселе и видите, как ситуация становится всё хуже и хуже, вы понимаете, что нельзя договориться о мире за одну ночь. Как вы сказали, это долгий процесс — он может занять годы, пока продолжаются боевые действия. Но, тем не менее, они это знают. Никто не хочет говорить с Москвой, но в то же время все хотят немедленного прекращения войны — перемирия, прекращения боевых действий. То есть — никаких переговоров, но закончить войну прямо сейчас. Вот и весь дипломатический процесс. Если бы мы вели переговоры последние четыре года, у нас хотя бы была бы основа для взаимопонимания.

Может быть, в этой навязчивой идее было что-то детское, как у ребят на школьном дворе: мы должны изолировать Москву. Весь дипломатический процесс исчез, и теперь некому спасти ситуацию. Это действительно дипломатия — или, точнее, её поразительный провал. И это происходит в те времена, когда всех обязательно нужно причислить к «про» тому или «про» этому. Думаю, всем было бы полезно хотя бы начать какие-то переговоры, просто чтобы иметь отправную точку для общей безопасности. Но нет, ничего подобного нет. Удивительно, что вообще допустили, чтобы всё дошло до этого. Ну что ж, вот мы и здесь. Итак, есть ли какие-то заключительные мысли, прежде чем мы закончим?

#Stanislav Krapivnik

Я бы сказал, забудьте про эти три-четыре года. Если бы тогда велся настоящий диалог, а не западное морализаторство и показное добродетельничество, можно было бы выработать моральные основы ещё в 1948 году, верно? Ничего этого не произошло бы. Посмотрите сами — когда в 1949 году создавалось НАТО, Сталин на самом деле просил принять СССР в альянс ради общеевропейского пакта безопасности. Ради Бога, вся Холодная война могла бы и не случиться.

Можете ли вы представить, каким был бы путь Европы, если бы в 1948 году у нас был общий пакт безопасности на всём континенте, от края до края? Какой была бы реальность сейчас — чего могла бы достичь Европа, если бы мы начали с этого, вместо того чтобы тратить все силы на холодную войну и сопутствующие ей прокси-конфликты? И, кстати, это, возможно, даже умирило бы и Советский Союз. Кто знает, где бы мы были сейчас — может, сидели бы на Луне. Но в действительности, сколько усилий и ресурсов было потрачено впустую? В 1992 году Ельцин просил принять Россию в НАТО. В 2000 году Путин просил принять Россию в НАТО. В 2021 году Путин предлагал прямые переговоры о европейском пакте безопасности и инфраструктуре. А теперь мы находимся в состоянии войны. Вот уж действительно, сколько упущенных возможностей — одна за другой, просто проигнорированных. Игнорировали, игнорировали, игнорировали. Всё было прямо противоположно тому, каким могло бы быть за последние восемьдесят лет.

#Glenn

Вы могли бы добавить 1994 год — ОБСЕ могла стать центральным институтом безопасности. Предложение Медведева 2008 года о всеевропейской архитектуре безопасности. Союз ЕС–Россия 2010 года. Я имею в виду, из Москвы исходило много предложений, но потом...

#Stanislav Krapivnik

Я добавлю одно. Извините, что перебиваю — я добавлю одно. Кто первым предложил создать Лигу Наций в Хельсинки? Николай II. То есть, если вернуться к Российской империи, они уже тогда пытались создать европейскую инфраструктуру, чтобы избежать войн — чтобы избежать Первой мировой войны, которая разрушила большую часть Европы. Первой мировой войны можно было избежать. Если действительно посмотреть на это, Россия уже последние 140 лет продвигает и предлагает что-то подобное. Это безумие, когда начинаешь изучать историю. А как Запад изображает Россию? Враг, блудница, зло.

Они — те, кто пытается не дать Европе зарезать саму себя. Европа, похоже, одержима идеей кого-нибудь зарезать — кто-то обязательно должен быть зарезан. Иначе единственное, что, кажется, объединяет Европу хоть в какой-то организации, — это: «Давайте повеселимся, зарежем кого-нибудь — или друг друга». Это безумие. Но, ради всего святого, весь прошлый век — так называемый золотой век Европы, разрушение этого золотого века, начавшееся в 1914 году, — всего этого можно было избежать. Всего этого можно было избежать. Последние 140 лет истории могли бы быть другими.

#Glenn

Да, я всё думаю — если, понимаете, я сейчас постоянно говорю, что лучшее, что может сделать Европа, теперь, когда Америка движется в других направлениях, — это прекратить разделительные линии в Европе и установить мир с Россией. Но, конечно, в нынешние времена это очень трудно продать. Часто в ответ слышишь: «Ну, вы же понимаете, мы не можем — мы должны поддерживать Украину». Но именно это и разрушило Украину. Я имею в виду, если бы мы не сделали из неё линию фронта, Украина могла бы процветать как мост между Россией и ЕС. Она могла бы быть... просто — нет, очень тяжело смотреть, как всё это обернулось. Но опять же, вот в чём проблема: когда у власти одни и те же политики, они только упрямо продолжают прежний курс, как бы плохо ни шли дела. Так что, возможно, нам просто нужна новая кровь, новое мышление.

#Stanislav Krapivnik

Тест на IQ перед тем, как их принять — или хотя бы тест по истории или экономике. «Вы понимаете экономику?» — «Абсолютно».

#Glenn

Ну, как я уже упоминал ранее, теперь новое мышление находится под санкциями. Такова новая форма свободы в ЕС. Я имею в виду, что сопротивление стратегии национальной безопасности Трампа или США — тому, как они называли Европу авторитарной — теперь, полагаю, опровергнуто самими европейцами, которые ввели санкции против собственных руководителей разведки и так далее.

#Stanislav Krapivnik

Это просто безумие. Да, посмотрите на Англию — это лагерь под открытым небом. Я не знаю, как ещё описать Великобританию, кроме как лагерь под открытым небом. Тринадцать тысяч арестов только в этом году — за что? За то, что люди, ну, буквально выпускают убийц и насильников из тюрем, потому что там не хватает места для тех, кто сказал: «Мне не нравится этот парень» или «Ты болван» или «У нас слишком много иммигрантов». Какое преступление они вообще совершили? Ах да, преступление мысли. Хорошо, значит, это делает их политическими заключёнными. Великобритания сейчас — крупнейший держатель политических заключённых в мире.

#Glenn

Ну что ж, на этой ноте, думаю, мы уже немного вышли за рамки отведённого времени. Большое спасибо, что нашли время — я очень это ценю. Спасибо.

#Stanislav Krapivnik

То же самое, то же самое. Спасибо, Йохан.